

Когда же возродится великая русская поэзія?

Тотъ, кто просматриваетъ наши русскіе зарубежные журналы, журналчики и газеты, навѣрное, не разъ замѣчалъ, до какой степени русскіе люди изголодались по словесной гармоніи, по поющему ритму стиха. Этотъ голодъ естественъ и понятенъ. Вотъ уже скоро сорокъ лѣтъ, какъ русская поэзія, задавленная терроромъ и поруганная циничными авантюристами вродѣ Демьяна Бѣднаго, Маяковского и другихъ имъ подобныхъ, прекратила свое пѣніе въ подъяремной Россіи. Допѣвали еще поэты предшествующаго декадентски-эротическаго поколѣнія, пока ихъ терпѣла совѣтская цензура или пока эмиграція спасала имъ жизнь. Но новыхъ большихъ ясновидцевъ и пѣвцовъ не появлялось ни въ Россіи, ни въ эмиграціи. Почему?

Казалось бы, теперь какъ никогда, потрясенныя и раненыя сердца русскихъ людей должны быть открыты для новыхъ вѣщихъ словъ и пѣсень, для этой поэзіи большого созерцанія и глубокаго замысла, для *настоящей* поэзіи. Именно эта поэзія и такая поэзія призвана совершить для грядущей Россіи то самое, что совершили для до-революціонной Россіи Державинъ, Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, Баратынскій, Языковъ, Тютчевъ, А. К. Толстой и другіе. Казалось бы, именно теперь, когда скудные, декадентски-эротическія содержанія предреволюціонной поэзіи отжили свой вѣкъ и русскимъ людямъ данъ новый опытъ подлиннаго зла, подлиннаго страданія и предчувствія грядущаго величія, слѣдовало бы ждать отъ русской поэзіи настоящихъ пѣсень и пророчествъ... Гдѣ же это все? Почему современные русскіе поэты молчатъ о великомъ и сокровенномъ и поютъ старые перепѣтые перепѣвы?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ надо обзрѣть пути и судьбы русскаго народа за послѣднія десятилѣтія.

Если пересмотрѣть всю исторію человѣчества, то обнаружится, что коммунистическая революція въ Россіи есть *единственное* въ своемъ родѣ крушеніе и бѣдствіе. Бывали времена тяжкія, мучительныя, какъ Пелопоннеская война въ Греціи, гражданская война въ Римѣ, правленіе жестокихъ и развратныхъ Цезарей, эпоха Инквизиціи, эпоха итальянскаго Возрожденія, тридцатилѣтняя война, первая французская революція... Изучая эти эпохи, читая первоисточники и показанія очевидцевъ, содрогаешься и ужасаешься; а порою кажется, что хуже этого не могло бы быть нигдѣ и никогда. Но когда обращаешься къ коммунистической революціи нашихъ дней, которую мы вживѣ и въявь переживаемъ вотъ уже 37 лѣтъ и притомъ на собственномъ опытѣ, быстро приходишь къ убѣжденію, что ничего подобнаго человѣческая исторія еще не видала.

Въ прежнія времена люди хотѣли власти и богатства — и изъ-за этого впадали въ преступленія и злодѣянія. Въ наше время коммунисты, добившись власти и богатства, заняты истребленіемъ лучшихъ людей страны: самая власть ихъ есть злодѣяніе для всего міра; самое богатство ихъ означаетъ всеобщую опасность и нищету. Но имъ этого мало: они поставили себѣ задачу — *уничтожить* всѣхъ, кто мыслить не по-коммунистически, кто вѣруетъ религіозно, кто любитъ родину; и оставитъ только своихъ рабовъ. Для этого они выдрессировали (и продолжаютъ дрессировать) цѣлый кадръ,

цѣлое поколѣніе палачей, садистовъ и садистокъ, которые и наслаждаются замучиваніемъ невинныхъ людей. И все это — во имя противоестественной химеры, во имя нелѣпой утопіи, во имя величайшей пошлости, которая ничего не сулитъ людямъ кромѣ обмана, разочарованія и атомной войны.

О русскомъ народѣ надо оказать словами Тютчева: «невыносимое онъ днесъ выносить»... И справляется онъ съ этимъ потому, что идетъ по своимъ исконнымъ путямъ, проведеннымъ его черезъ всѣ его климатическія суровости, черезъ всѣ его хозяйственныя трудности и лишенія и черезъ всѣ его военныя и историческія испытанія. Эти средства, эти пути суть: *молитва, терпѣніе, юморъ и птѣніе*. Всѣ вмѣстѣ они создавали и сообщали ему ту особенную русскую выносливость, ту способность приспособляться, не уступая, гнуться безъ слома, блюсти вѣрность себѣ и Богу и среди враговъ и въ порабоженіи; сохранять легкость въ умираніи, накапливать ту силу сопротивления въ вѣкахъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, которая и спасала его въ дальнѣйшемъ. Такъ и въ современной революціи, безчеловѣчнѣйшей изъ всего исторически извѣстнаго, русскій народъ обновляетъ это свое душевно-духовное умѣніе, какъ бы унося свои святыни въ таинственную глубину своего духовнаго озера.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что революція была *срывомъ* въ *духовную* пропасть, религиознымъ оскудѣніемъ, патриотическимъ и нравственнымъ помраченіемъ русской народной души. Не будь этого оскудѣнія и помраченія русская пятнадцатимилліонная армія не разбѣжалась бы, ея вѣрные и доблестные офицеры не подверглись бы растерзанію; совѣсть и честь не допустили бы до захватнаго передѣла имущества; Ленинъ и его шайка не нашли бы себѣ того кадра шпіоновъ и палачей, безъ котораго ихъ терроръ не могъ бы осуществиться; народъ не допустилъ бы до избіенія своего духовенства и до сноса своихъ храмовъ; и бѣлая армія быстро очистила бы центръ Россіи. Это была *эпоха окаянства*, когда коммунисты выбирали окаянныхъ людей для совершенія окаяннаго дѣла, а народъ, вмѣсто того, чтобы молитвенно примкнуть къ московскому Церковному Собору и внять отлученію и заклятію Святѣйшаго Патриарха Тихона, разучился молиться и внимать совѣсти, помышляя только о кровавой мести и темномъ прибыткѣ.

Но вотъ, революціи суждено было не удовлетворить вожделѣнія русскихъ массъ, а разочаровать и образумить ихъ. Это разочарованіе пришло къ нимъ въ жесточайшемъ видѣ — въ видѣ трехлѣтней гражданской войны съ ея грабежами, эпидеміями, ожесточеніемъ; въ видѣ массоваго разстрѣла лучшихъ людей, искусственно организованнаго голода, доходившаго до вымиранія и людоедства, въ видѣ террора, свирѣпой коллективизаціи и концентраціонныхъ лагерей. На открытое сопротивление рѣшались только вѣрнѣйшіе и храбрѣйшіе. Народныя же массы предались безбожному ожесточенію, и лишь медленно, очень медленно, послѣ распыленія, разоруженія и изытія земли, начали понимать, что главный походъ идетъ на нихъ, что онѣ сами обречены на небывалое рабство, на нищету и голодъ, или просто на смерть. Но возможность сопротивления была уже *упущена*: народъ былъ уже обезоруженъ, а кадры партіи, «комсомола», безчисленныхъ доносчиковъ и политической полиціи («Чека», «Гепеу», НКВД — МВД) были уже сплочены и вели повальный терроръ, сами находясь подъ вѣчнымъ страхомъ. «Гулагъ» открылъ свои необъятныя нѣдра; и русскому народу оставалось одно: *уйти въ себя*, развернуть столь же необъятныя нѣдра своего терпѣнія, научиться узнавать «своихъ» молча, организовываться полумолча, перетирать коммунистическія цѣпи энергіей своей выносливости и ждать исторической «конъюнктуры» для освобожденія.

Всѣмъ этимъ и объясняется та смѣна путей, которую мы наблюдали за эти десятилѣтія: преобладаніе *юмора* въ началѣ, переходъ къ *терпѣнію* въ дальнѣйшемъ, и, наконецъ, возвратъ къ *вѣрѣ* и *молитвѣ*. А поэзія (*птѣніе*) ждетъ еще своего часа; для нея время еще не приспѣло.

Кто изъ насъ не помнитъ этого неистощимаго, отчаяннаго юмора, которымъ рускіе люди пытались преодолѣть безуміе и лишенія первыхъ лѣтъ? Тогда желтыя тысячурублевыя бумажки назывались на базарахъ «косыми» въ издѣвательство надъ косымъ Ленинымъ... Какъ поганки въ гниломъ лѣсу лѣзли отовсюду слова неслыханнаго на Руси жаргона, начиная съ «совдепа» и «совнаркома» и кончая такими издѣвательскими перлами, какъ «помучкота» (помощникъ участкаго комиссара трудовой арміи) и «замкомпомордѣ» (замѣститель комиссара по морскимъ дѣламъ»). Тогда и новое гнусное названіе русскаго государства «РСФСР» истолковывалось по-своему: «Рѣдкій Случай Феноменальнаго Сумасшествія Расы». Изъ устъ въ уста передавались хлесткія частушки; ходила по рукамъ бойкая «поэма»: «Марксъ въ Россіи», кончавшаяся тѣмъ, что Марксъ публично плевалъ своему огромному памятнику въ лицо; и самая смерть обозначалась словами «сыграть въ ящикъ»... Отовсюду подмигиваль людямъ юморъ висѣльника...

Но время шло. Терроръ становился все круче и безумнѣе. Дерзновенный юморъ сталъ осторожнѣе, научился прятаться и первенство осталось за терпѣніемъ: народъ принялъ свое новое, неожиданное и неслыханное иго.

Ему «не хватало» свободнаго терпѣнія для того, чтобы честно и твердо закончить войну: «похабное» прекращеніе ея казалось ему «спасеніемъ». Ему не хватило свободнаго терпѣнія для того, чтобы довести до конца аграрную реформу Столыпина: захватъ и погромъ сулили ему «необозримыя земли», а социалистическія партіи (соціалисты-революціонеры и большевики) уговаривали торопиться. Ему не хватало свободнаго терпѣнія для того, чтобы вѣрно и постепенно усвоить заливавшій его потокъ всяческаго, всесторонняго образования; уровень этого образования казался ему слишкомъ высокимъ, надо было отвергнуть вѣками выношенное, культурно-драгоценное, но невѣждѣ «ненужное» правописаніе, надо было довести гимназію до безграмотной толчеи, а высшія учебныя заведенія — до пропаганды коммунистическаго бреда и до усвоенія элементарныхъ техническихъ навыковъ. Не хватило добровольнаго терпѣнія для строительства Россіи; хотѣлось «простоты», «легкости», «скорости»; хотѣлось не учиться, а наживать; хотѣлось не «устраиваться» и «обзаводиться», а схватить и завладѣть; манило «несосвѣтимое» богатство — котораго не было, — земельное, торговое, промышленное, денежное; лѣнь нашептывала, революціонная демагогія взывала, правосознаніе было очень скудно, а освобожденіе отъ государевой присяги развязало всѣ удержки. И наказаніе не замедлило.

Замысль Ленина и его банды былъ таковъ: деморализовать солдата, матроса, земледѣльца и рабочаго, ободрить захватчика, попустить разбойнику («грабъ награбленное») — и затѣмъ задавить деморализованнаго, превративъ его въ голоднаго, запуганнаго и покорнаго раба...; подорвать свободное терпѣніе народа, превратить его въ бунтующую *чернь* и тогда возложить на него вынужденное терпѣніе, рабскую терпѣливость безъ конца и мѣры. Этотъ замысль удался. И вмѣсто Россіи стало строиться новое, безбожное, безнравственное, тоталитарное, коммунистическое. Нынѣ народу надо быть готовымъ въ немъ всегда и ко всему. Въ немъ терпѣніе *перестаетъ* быть выраженіемъ духовной свободы, но становится проявленіемъ страха и инстинкта самоохраненія.

Въ замыслѣ коммунистовъ невѣрно все: начиная отъ религіознаго опустошенія души, и кончая варварской попыткой строить культуру на страхъ и порабощеніи; начиная отъ попранія личнаго начала и личной творческой инициативы, и кончая принудительнымъ «міровоззрѣніемъ»; начиная отъ пошлой цѣли и кончая порочными средствами. Здоровому, идейному человѣку здѣсь все неприемлемо, все чуждо, все угнетающе; и потому все это должно было быть навязано ему... Со времени водворенія этихъ людей у власти прошло 37 лѣтъ и никакія внутреннія и внѣшнія осложненія и катастрофы не могли доселѣ освободить русскій народъ. Другіе народы не могутъ и

представить себѣ ту степень униженія, съ которой пришлось ему мириться, и тотъ запасъ терпѣнія, который отъ него потребовался. Сколько разъ русскимъ людямъ *казалось*, что другіе народы (нѣмцы, англичане, поляки, американцы!) должны будутъ однажды вмѣшаться и «освободить» Россію; и каждый разъ эти мечты оказывались беспочвенными. Русскимъ людямъ надѣяться не на кого, кромѣ Бога и своихъ собственныхъ силъ. Но чтобы найти въ самомъ себѣ необходимыя для борьбы силы и умѣнія, необходимо отчаяться во всемъ и во всѣхъ, кромѣ Господа; необходимо возстановить свою религіозную вѣру, какъ таинственный и живой ключъ духовной жизни. И всѣ партіи и организаціи безъ исключенія, — какъ подъяремныя, такъ и зарубежныя, — которыя не обратятся къ этому источнику, могутъ быть заранѣе увѣрены въ ожидающемъ ихъ неуспѣхѣ.

Этотъ процессъ возвращенія къ вѣрѣ и молитвѣ давно уже начался въ Россіи: противъ абсолютнаго зла, противъ неизбывнаго страха, противъ беспомощнаго отчаянія есть только одна единственная абсолютная опора — искренняя и цѣльная религіозность, несущая съ собою силу молитвы и силу покаяннаго очищенія. Это надо понять и прочувствовать до конца. Нечего братья за освобожденіе и возстановленіе Россіи безъ совѣсти; а совѣсть живетъ только въ искренней и цѣльной душѣ, гдѣ она звучитъ какъ голосъ Божій. Надо смыть позоръ своихъ преступленій, сорокалѣтнихъ униженій, и слезы вынужденнаго страхомъ приспособленія; а для этого необходимо религіозное покаяніе. Надо смыть въ душѣ черное безчестіе прошлыхъ лѣтъ и вновь повѣрить въ свою собственную непоколебимую честь и полную честность, чтобы возстановить довѣріе къ самому себѣ и научиться узнавать людей заслуживающихъ довѣрія; а это возможно только передъ лицомъ и судомъ Божиимъ. Послѣ всего пережитаго и выстраданнаго надо искать и найти путь къ Богу. Пути безбожія, безсовѣстности, безчестія и дьявольской лжи исхожены и извѣданы: они обличены и оказались погибельными. Необходимо глубокое обновленіе душъ; и никакіе модные лозунги и никакое политическое пустословіе его не замѣнятъ: ни «демократія», ни «федерация», ни «свобода», ни «равенство», ни «братство», ни иное что-либо.

И врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что смыслъ происходящаго нынѣ въ Россіи и состоитъ въ конечномъ счетѣ въ этомъ прикровенномъ, тайномъ *возвращеніи* къ вѣрѣ и молитвѣ. И лишь по мѣрѣ того, какъ это религіозное возрожденіе будетъ совершаться, откроются и пути къ воскресенію русской поэзіи.

* * *

Великая русская поэзія возродится тогда, когда въ русской душѣ запоетъ ея послѣдняя священная глубина, которая укажетъ поэтамъ новыя, глубокія темы и даруетъ этимъ темамъ свою форму, свой ритмъ, свой размѣръ и свои вѣрныя, точныя слова. Эта священная глубина уже дана русскому человѣку и обновлена въ русской душѣ — и притомъ именно трагическимъ опытомъ послѣднихъ сорока лѣтъ, но она еще не принята русскими людьми, русскимъ созерцающимъ сердцемъ и поэтому еще не запѣла въ русской поэзіи. Однако это время близится...

Первое и основное въ искусствѣ — это Предметъ и его содержаніе: *что именно ты чувствуешь? что ты видишь? о чемъ ты хочешь сказать?* Всѣ русскіе великіе поэты сосредоточивали свой чувствующій опытъ на томъ, что есть главное, важнѣйшее или прямо священное въ жизни міра и человѣка. Они созерцали Божіе; и взволнованное, умиленное сердце ихъ начинало пѣть. Это поющее сердце приносило ихъ поэзіи все остальное, безъ чего стихотвореніе не есть стихотвореніе, и поэтому у нихъ нерѣдко дѣлалось такое чувство, что и слова, и размѣръ строки, и ритмъ, и рима приходятъ къ нимъ «сами».

Надо постигнуть это и убедиться в этом раз и навсегда: поэзию творит сердце. Выдуманное стихотворение на манеръ Василия Тредьяковскаго или Валерія Брюсова не можетъ пѣть; оно будетъ прозаично, сухо, мертво; оно не создастъ поэзіи; оно дастъ только рѣчованныя строчки. А разбѣренными и рѣчованными строчками далеко еще до поэзіи. Поэзія требуетъ совсѣмъ иного, гораздо большаго: она требуетъ поющаго сердца. Поэтому и тому поэту, который попытается жить однимъ воображеніемъ, на манеръ Бенедиктова, не вкладывая въ свой опытъ сердечнаго вдохновенія, удастся въ лучшемъ случаѣ создать вѣрное и подробное описаніе природы или людей, но это описаніе не увидитъ и не покажетъ сокровенную глубину описываемаго и не пойдетъ дальше хорошаго протокола. Подобно этому и волевой опытъ (Гумилевъ) не замѣнитъ опыта поющаго сердца: сколь бы велика ни была напряженная рѣшимость воли, она вызоветъ у читателя въ отвѣтъ (въ лучшемъ случаѣ) волевое напряжение и будетъ восприниматься какъ рѣчованная проповѣдь, какъ властное поученіе, но не какъ поэзія.

Это не означаетъ, что подлинная поэзія не нуждается ни въ чемъ, кромѣ поющаго сердца. Наоборотъ — она требуетъ всего человѣка: она вовлекаетъ въ жизнь чувства (сердца) — и волю, и мысль, ибо поэзіи свойственно желать до воспламененія и мыслить до самой глубины. Но важнѣйшее и главное есть поющее сердце и всѣ инныя силы и способности должны подчиниться ему и проникнуться его живою струею, его пѣніемъ, его мелодіей.

Такъ было въ русской классической поэзіи и восемнадцатаго, и девятнадцатаго вѣка. И это было тогда же осознано и выговорено Гоголемъ (гл. XXXI «Переписки съ друзьями»: «Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность»). Онъ пишетъ, между прочимъ: «Огонь излетѣлъ вдругъ изъ народа. Огонь этотъ былъ восторгъ», и «восторгъ этотъ отразился въ нашей поэзіи, или лучше — онъ создалъ ее». Уже Ломоносовъ творилъ какъ «восторженный юноша»: «всякое прикосновеніе къ любезной сердцу его Россіи, на которую глядитъ онъ подъ угломъ ея сіяющей будущности, исполняетъ его силы чудотворной»... Державинъ творилъ великое только въ состояніи «одушевленія», «напряженнаго силою вдохновенія»... Даже у Капниста проявился «ароматъ истинно душевнаго чувства»... А вотъ «благоговѣйная задумчивость Жуковскаго» «исполняетъ всѣ его картины» особаго «грѣющаго, теплаго свѣта»... А Пушкинъ былъ самъ «точно сброшенный съ неба поэтической огонь, отъ котораго, какъ свѣчки, зажглись другіе самоцвѣтные поэты»...

Итакъ, великая русская поэзія была порожденіемъ истиннаго чувства, восторга, одушевленія, вдохновенія, свѣта и огня, — именно того, что мы называемъ *сердцемъ* и отъ чего душа человѣка начинаетъ пѣть (Веневитиновъ, Языковъ, Баратынскій, Лермонтовъ, Тютчевъ, Хомяковъ, графъ А. К. Толстой и другіе). Къ сожалѣнію, этотъ огонь сердца началъ меркнуть во второй половинѣ XIX вѣка. Еще даютъ незабвенное Майковъ и Апухтинъ. Но уже холоднымъ, словеснымъ гарцованіемъ вѣетъ отъ Бенедиктова: уже мыслью, волею и политическимъ напоромъ слагаетъ свои стихи Некрасовъ, а чувство Фета блекнетъ и все болѣе принимаетъ чувственно-эротическую окраску. Все блѣднѣе становятся созданія Полонскаго, Плещеева, Надсона; и мѣсто этой поэтической блѣдности уже торопятся занять послѣдніе предреволюціонные эротически-декадентствующіе поэты. Сердца поэтовъ все рѣже отзываются на величіе, на божественный составъ міра, на узрѣніе его таинственнаго естества, на молитву, на трагическое; они все менѣе парятъ, исповѣдуютъ, дивуются и благодарятъ; наоборотъ, они все болѣе предаются сентиментальности, жалобѣ, «гуманности», «соціальности», протесту, скрытой политикѣ, «народничеству», революціонности... Въ нихъ все меньше огня и пѣнія, все больше *утилитаризма*, тепловатости, прозы, злобы дня, утомленія и отвращенія. Слагается поэтической тупикъ, изъ котораго ищутъ прорыва предреволюціонные декаденты.

Замѣчательно, что вмѣстѣ съ изживаніемъ великаго сердечнаго созерцанія, мельчаютъ и самыя содержанія поэзіи: «сентиментальность» роняетъ слезу на бытъ повседневности и не преображаетъ, и не раскрываетъ его; «гуманность» сосредоточивается на человѣкѣ и не паритъ надъ міромъ и не возносится къ Богу; социальный протестъ получаетъ свои заданія не свыше, а отъ политической партіи; народничество уводитъ поэта въ одностороннія преувеличенія и въ отверженіе, а революціонность — къ злобѣ и мести. Поэты *теряютъ* доступъ къ Божественному; остается одно человѣческое; а изъ человѣческаго они начинаютъ все болѣе склоняться къ чувственному эротизму.

Поэзія послѣдняго предреволюціоннаго періода почти уже не поетъ: она выдумываетъ вмѣстѣ съ Брюсовымъ, или мечтаетъ и декламируетъ въ стихахъ Бальмонта, беззвучно лепечетъ или лопочетъ вмѣстѣ съ Андреемъ Бѣлымъ, безпредметно и туманно фантазируетъ вмѣстѣ съ Александромъ Блокомъ, несетъ эротическую «трехъяковщину» вмѣстѣ съ Вячеславомъ Ивановымъ, пытается утвердиться на «желѣзной волѣ» вмѣстѣ съ Гумилевымъ и Кречетовымъ, и безвольно предается личнымъ страстямъ вмѣстѣ а Ахматовой и Городецкимъ. А подъ конецъ она впадаетъ въ безграмотно-развратную манеру Игоря Сѣверянина, въ продажный и безстыдный бредъ Маяковского, въ шепелявое неистовство Волошина и въ хулиганское озорство Есенина. И только одинъ имѣлъ еще доступъ къ Предмету и нерѣдко получалъ отъ него и содержаніе и форму — это Ѳедоръ Сологубъ (Тетерниковъ).

Всѣ, или почти всѣ остальные не творили поэзію, а предавались стихослагательству (талантливые импровизировали подобно Бальмонту, бездарные — *высжиливали*, подобно Брюсову). Они выдумывали «изыски», изобрѣтали небывалое, старались, по мѣткому слову Ходасевича, «идти какъ можно быстрѣе и какъ можно дальше», считая, что поэту все позволено; и потому предавали поэзію насилию и поруганію. И почти всѣ не умѣли различать добро и зло; и почти всѣ *готовы* были поклоняться дьяволу. И дѣйствительно, это была уже не поэзія, это было «виршеплетеніе», подчасъ — беззастѣнчивая лабораторія словесныхъ фокусовъ. Послѣдыши всего этого теченія, оставшіеся подъ совѣтскимъ ярмомъ, были сначала куплены и разыграны, а потомъ раздавлены большевиками... Русская поэзія послѣднихъ десятилѣтій выдыхалась, вырождалась, гасла и исчезала.

Мельчали ея темы и содержанія. Они мельчали потому, что пустому разсудку, разнузданному воображенію и холодной волѣ великіе предметы никогда не давались и не дадутся. Это все невѣрные «органы», не поющіе «акты», безнадежныя попытки создать «новое» и «великое» изъ *собственной скудности* или изъ бессмысленнаго праха вещей. Если «поэту» все позволено, то онъ становится безотвѣтственнымъ болтуномъ. Безразличный къ великому и божественному, онъ неизбѣжно дѣлается искателемъ наслажденій и кокетливымъ хвастуномъ: онъ начинаетъ рассказывать про свою личную чувственную эотику и при томъ въ формахъ все возрастающаго безстыдства. А если ему удастся найти себѣ властнаго покупателя, то у него остается одна забота — угождать своему «хозяину».

Поэтому, первая задача настоящаго поэта — углублять и *оживлять* свое сердце; вторая — растить, очищать и облагораживать свой духовный опытъ. Это и есть путь къ великой поэзіи. Конечно, выше лба уши не растутъ, и далеко не всякому дано имѣть великій опытъ для великой поэзіи. Но надо помнить, что изъ скудности и праха повседневной жизни, изъ безотвѣтственности и тщеславія декадентства — вырастаетъ только *дурная* поэзія. Невольно вспоминаются развязныя строчки Анны Ахматовой:

Когда бъ вы знали, изъ какого сора
Растутъ стихи, не вѣдая стыда.

Конечно, бываетъ и такъ, но только это будетъ сорная и безстыдная поэзія. Возможно, что именно такая поэзія и «нравится» кому-нибудь. Нашлась же недавно въ эмигрантскомъ журнальчикѣ «Грани» какая-то Тарасова, которая написала революціонную (!) апологію (защиту, прославленіе) безобразнѣйшему изъ хулигановъ-риѳмачей нашего времени Маяковскому, котораго мы всѣ знали въ Россіи какъ безстыднаго орангутанга задолго до революціи, и гнусныя строчки котораго вызывали въ насъ стыдъ и отвращеніе. Совѣтскій «вкусъ» — извращенный вкусъ; люди этого «вкуса» и не подозреваютъ, что кромѣ чекистскихъ, революціонныхъ критеріевъ есть въ поэзіи еще и иной, высшій, *художественный* критерій и что этотъ критерій рѣшаетъ не по тому, что кому «нравится», а по степени объективнаго совершенства. Когда-то Блокъ провозгласилъ двѣнадцать пьяныхъ и развратныхъ матросовъ-грабителей — «апостолами Христа» — и пожизненно стыдился своего мерзкаго кощунства. Нынѣ Маяковскій самъ посмертно провозглашается «тринадцатымъ апостоломъ». И пока русскіе люди не научатся стыдиться такихъ кощунствъ — великой поэзіи имъ не видать. Пока имъ нравится болтовня Есенина, кощунственно написавшаго на стѣнѣ Страстнаго Монастыря слова «богъ отелися!», до тѣхъ поръ русская поэзія не сумѣетъ оторваться отъ грязи и пошлости.

Великая поэзія ищетъ благоговѣйнымъ сердцемъ Божественнаго, — во всемъ, и находитъ, и *изъ него* поетъ. Лучи этого Божественнаго можно и должно находить во всемъ, и найдя, надо въ нихъ пребывать и изъ нихъ «говорить». Одинъ изъ талантливейшихъ европейскихъ поэтовъ Йозефъ фонъ Эйхендорфъ бы сказалъ это такъ:

Въ каждой вещи пѣсня дремлетъ.
Міръ, исполненъ тайныхъ сновъ,
Твоимъ зовамъ вѣщимъ внемлетъ
И запѣтъ всегда готовъ...

Но зовъ долженъ быть именно «вѣщимъ», властнымъ зовомъ сердца; при его звукѣ съ вещей слетаетъ пракъ и пошлость — и онѣ начинаютъ раскрывать свою священную сущность. Какъ бы переключаясь съ Эйхендорфомъ, русскій незабвенный поэтъ графъ А. К. Толстой поясняетъ:

Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и неслышимыхъ звуковъ, —
Много чудесныхъ въ немъ есть сочетаній и слова, и свѣта,
Но передастъ ихъ лишь тотъ, кто умѣетъ и видѣть, и слышать,
Кто уловилъ лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово,
Цѣлое съ нимъ вовлекаетъ созданье въ нашъ міръ удивленный... —

И вотъ опытъ революціи призванъ возродить такое духовное созерцаніе.

Въ Евангеліи повѣствуется о томъ, какъ Христосъ исцѣлилъ слѣпорожденнаго, возложивъ на его глаза нѣкое «бреніе» и велѣвъ ему умыться въ купальнѣ Силоамъ; и тотъ прозрѣлъ. Революція символически подобна сему брению: она возложена на наши глаза, *чтобы мы прозрѣли*. Но надо восхотѣть этой духовной зрячести и молитвенно просить о ней, чтобы «отверзлись вѣщія зѣницы, какъ у испуганной орлицы»... и чтобы намъ подлинно увидѣть тотъ смыслъ, что скрытъ за этими тяжкими годами мучительства и позора...

Для этого русскіе люди должны прежде всего отрѣшиться отъ тѣхъ пошлостей, которыя имъ натверживаютъ коммунисты, — отъ революціонныхъ критеріевъ, отъ классовыхъ мѣрилъ, отъ безбожія, отъ «діамата», отъ фальшиваго воззрѣнія на родину, семью, науку и собственность. Всѣ эти пошлости необходимо постигнуть,

какъ мертвыя и ничтожныя, и вычистить ихъ изъ души и изъ міросозерцанія. Надо понять, что все это былъ соблазнъ, приведшій къ «Гулагу» и къ Воркутѣ; что все это *ядъ, впрыснутый намъ врагами Россіи*; и что мы призваны, очистивъ отъ него душу, восхотѣть въ жизни Главнаго и Священнаго, и открыть ему сердце. Тогда оно запоетъ, но не раньше.

Тогда мы спросимъ себя, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, — откуда въ мірозданіи эта дивная мудрость? Вмѣстѣ съ Державинымъ — какъ намъ постигнуть Бога и къ чему Онъ призываетъ государственныхъ правителей? Мы признаемъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, что человѣческое сердце есть сущій источникъ благожелательства и нѣжности. Мы увидимъ, какъ Пушкинъ «исторгаетъ изо всего, какъ ничтожнаго, такъ и великаго одну электрическую искру того поэтическаго огня, который присутствуетъ во всякомъ твореніи Бога — его высшую сторону, знакомую только поэту» (слова Гоголя). Мы научимся восторгу у Языкова, міровой скорби у Лермонтова, ощущенію бездны у Тютчева, патріотической любви у А. К. Толстого. И болѣе того, грядущіе русскіе поэты сумѣютъ спросить исторію о нынѣшнемъ крушеніи Россіи, освѣтитъ намъ какъ молніей историческія раны русскаго народнаго характера, показать своеобразие и величіе русскаго духа и глубину Православной вѣры; и многое другое важнѣйшее и главнѣйшее въ жизни человѣка. Всѣ силы и всѣ опасности, всѣ дары и всѣ соблазны русскаго духа ждутъ свѣта и мудрости отъ великой русской поэзіи. Ждутъ — и дождутся.

Но что же это значитъ, неужели мы осуждаемъ и отвергаемъ всю современную русскую поэзію, столь обильно расцвѣтающую во всѣхъ странахъ нашего разсѣянія? — О нѣтъ, нисколько! Наоборотъ! Мы видимъ въ ней залогъ грядущаго. Мы видимъ сквозь нее, какъ изголодалась русская пѣвучая душа по свободной, не навязанной и не контролируемой поэзіи. Всюду, гдѣ слагаются у насъ поэтическія строки, — а кто теперь не пытается запѣть въ русскихъ дивно пѣвучихъ и дивно богатыхъ словахъ? — мы видимъ, тоску по родинѣ, живое ощущеніе творческой національной силы, мечту о новой Россіи, потребность воскресить наше угасшее пѣніе или хотя бы сильно возобновить его. У насъ сейчасъ не все удачно, не все значительно, не все стихотворно на высотѣ, но зато (за рѣдкими исключеніями) здѣсь почти все идетъ изъ любящаго и тоскующаго сердца, все создаетъ атмосферу для великой грядущей поэзіи. Надо только освободиться отъ обывательства и отъ подражанія плохимъ поэтамъ, надо беречь огонь сердца, укрѣплять свое чувство отвѣтственности и превышать требованія, предъявляемыя къ самому себѣ.